

В. П. СТЕПАНОВ

ДИАЛОГ СУМАРОКОВА «ИРСИНКУС И КАСАНДР».

В «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе» А. П. Сумарокова его издатель Н. И. Новиков включил небольшой откровенно сатирический диалог между Ирсинкусом и Касандром.

Разговор.

Ирсинкус и Касандр.

К а с а н д р : Благослави, отче святой.

И р с и н к у с : Я не священник, но нечто выше, а именно, я Философ целой губернии, и все меня почитают, понеже премудрость моя не только здесь, но и в царствующем граде Москве почитается, и моя книга напечатана, к исправлению юношества, к чести нашего сана, ко славе нашего века и к общему удовольствию читателей.

К а с а н д р : Какая это книга?

И р с и н к у с : Книга Полипрагмон, Кукушка тож.

К а с а н д р : Знаю я эту книгу. Я ее в некотором доме нашел в от...

И р с и н к у с : В от... ?

К а с а н д р : Да она в другое место и не годится.

И р с и н к у с : А для чего?

К а с а н д р : В ней нет ни складу ни ладу, ни чистоты языка, ни мыслей, ни благородства, ни вкуса, и на всякой строке видно, что и стихи и проза писаны крайним невежею.

И р с и н к у с : Однако многие разумные люди ее хвалят.

К а с а н д р : Никакой разумный человек ее похвалить не может.

И р с и н к у с : А ты один хочешь быть Автором; однако я от моего крас-

норечия больше и прибýtка и почести имею, я ж могу тебе заключити и райские двери, понеже я Философ, убо я лучше тебя пишу.

К а с а н д р : Ежели бы такие безумцы, каков ты, над раем имели власть, так бы разумные люди лишились царствия небесного.

И р с и н к у с : Не безумец я, когда и стихи мои и проза препоручили меня знатным мужам, и которые старались меня почтити великим саном.

К а с а н д р : В малом невежа и малограмотная тварь сане не портит общего блаженства; а на твою степень возвел тебя гнев Божий к бесчестию Риторства и Стихотворства. И кажется мне, что кукушка, твоя возлюбленная птица, столько же достойна быти на твоём месте, сколько ты. Одно в тебе мне понравилось: а именно, что ты подобную выбрал себе птицу, ибо её песни столько же приятны, сколько и твои; да ещё с сею разностью, что её песни, хотя и не приятны, но правильны, а твои и этого не имеют. Словом сказати, я эдакова вздора и во сне не выдывал.

И р с и н к у с : Знаешь ли ты, что я тебя прокляну?

К а с а н д р : Когда ты, крыса, вскарабкался на судейский и философский стул, так ты прокляни свою кукушку, а не меня.

Хоть и гадки, только нужны обществу профос, палач;
Но какую служит пользой мерзкий обществу рифмач!

И не вред ли то народу,

Если глупый рифмоткач

Поползет и гадкой книгой внидет к удивленью в моду.

К нерешению судебных предлагаемых задач:

Должен ли когда достоин быти превелика чина

Превеликий дурачина!

Текст диалога не датирован и не снабжен никакими пояснениями, что обычно для этого издания Новикова; при жизни Сумарокова диалог в печати не появлялся. Известно, что, готовя посмертное издание произведений Сумарокова, Новиков пользовался оставшимся после него архивом. Из рукописей писателя, видимо, и был извлечен «Разговор». Получив в свое распоряжение рукописи, просматривая их, Новиков, по-видимому, не избежал некоторых ошибок, в том числе и обычных в таких случаях ошибок атрибуции, приняв в отдельных случаях копии, сделанные рукой Сумарокова, за его оригинальные сочинения. С этим всегда приходится считаться, пользуясь новиковским изданием, критического анализа которого по существу нет.¹ Но в данном случае ничто

¹ Вопрос о достоверности издания Новикова был затронут Г. А. Гуковским и П. Н. Берковым в полемике об авторе «Хора ко превратному свету» (Ф. Г. Волков или А. П. Сумароков). При этом оценки авторов были прямо противоположны. Берков: «... новиковское издание далеко от полноты. Но не менее очевидно, что среди включенных произведений, в особенности из числа тех, которые, как сумароковские,

в самом тексте «Разговора» авторству Сумарокова не противоречит. К этому жанру он обращался неоднократно на протяжении всей своей деятельности, впервые еще в 1750-е гг., опубликовав в «Ежемесячных сочинениях» два «Разговора в царстве мертвых» — между Александром и Геростратом, Кортецем и Монтецумой, — долгое время неправильно приписывавшиеся А. В. Суворову. Четыре других (сатирических) «Разговора мертвых» он поместил в «Трудолюбивой пчеле». Диалогическая форма выявления характеров очень характерна и для комедий Сумарокова, исключительно прозаических. Памфлетные разговоры, например, Сумароков ввел в комедию «Ядовитый», давая ответ на подобные диалоги в комедии Ф. А. Эмина «Ученая шайка».² Диалогическая форма выбрана им для стихотворной сатиры «Пиит и друг его».

Тема «дурных сочинителей», служащих «бесчестием риторства и стихотворства», «рифмачей», «рифмоткачей», которая разрабатывается в «Разговоре», постоянная для сатиры Сумарокова, где присутствует в том же фразеологическом оформлении (ср. в притче «Парисов суд»: «Российской то сказал нам древности толмач и рифмоткач»). Эти мотивы и общее раздражение по поводу упадка литературного вкуса и мастерства особенно усиливаются с конца 1760-х гг. в связи с расширением круга писателей и числа изданий, с постепенной утратой Сумароковым непосредственного влияния на литературную жизнь.

По поводу того, когда был написан «Разговор» и против кого он был направлен, имеется лишь одно печатное суждение-предположение, сделанное Г. А. Гуковским в «Библиографических заметках к Полному собранию всех сочинений Сумарокова», известных по корректуре не вышедшего в свет в 1948 г. очередного сборника «XVIII век».³ Он высказал догадку, что лицо, получившее в «Разговоре» имя Ирсинкус, изображает плодовитого писателя, иеромонаха Аполлоса Байбакова, принявшего духовный сан в 1774 г. Гуковский исходил из того, что в сатире Сумарокова Ирсинкус — духовное лицо, он пишет стихи и прозу, дает своим книгам вычурные загла-

фигурируют впервые только в собрании сочинений, имеется немало принадлежащих не ему»; Гуковский: «Все прозаические вещи, помещенные в новиковском издании, или были напечатаны ранее в журналах с подписью Сумарокова, или же извлечены Новиковым из рукописей самого Сумарокова; невозможно сомневаться в их подлинности. Вообще же новиковское издание выполнено вполне научно, серьезно и с знанием дела» (XVIII век. М.; Л., 1935. Сб. 1. С. 194, 207).

² Серман И. З. Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII в.: (Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка») // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 221—223.

³ Экземпляр П. Н. Беркова хранится в библиотеке Минского гос. университета.

вия. Правда, здесь же Гукровский заметил, что большинство книг Аполлоса появилось после смерти Сумарокова, но, допустил, что такие сочинения Аполлоса, как «Афанат и Фнит», «Евгеонит», могли быть известны Сумарокову до печати, в рукописи. Предположение это весьма сомнительно, так как произведения Аполлоса не обладали качествами, способствующими рукописной известности. Кроме того, Гукровский не обратил внимания на самохарактеристику Ирсинкуса, свидетельствующую, что он как бы и духовное, и одновременно не духовное, светское лицо:

К а с а н д р : Благослави, отче святой.

И р с и н к у с : Я не священник...

Байбаков, учившийся и живший в Москве вплоть до 1785 г., не мог говорить о себе, подобно Ирсинкусу, что он «философ целой губернии», и хвастаться, что не только здесь, но и «в царствующем граде Москве почитается». Скорее, это автохарактеристика писателя из провинции. Да и весь разговор направлен против автора не рукописной, а уже напечатанной книги, ибо далее Ирсинкус сообщает: «Моя книга напечатана, к исправлению юношества, к чести нашего сана, ко славе нашего века...»

Название книги — «Полипрагмон, Кукушка тож» — не вполне придумано Сумароковым и является прозрачным указанием на реально существующее произведение. В XVIII в. пользовался известностью и распространялся в списках анонимный диалог с как-будто испорченным переписчиками заглавием «Разговоры о суде в кукушке». Он привлекал внимание исследователей рукописной сатиры и как специфический памятник сатиры был опубликован в советское время В. Д. Кузьминой.⁴ Е. П. Привалова позднее установила, что источником списков являются «Разговоры разного содержания прозою и стихами в пользу учащегося юношества, сочиненные в Тверской семинарии», изданные в Петербурге в 1774 г. В сборнике среди прочих находится и этот «разговор» с очевидной опечаткой в заглавии, повторенной списками.

В сборник, предназначенный прежде всего для «юношества», обучавшегося в Тверской семинарии, входит десять «разговоров». Среди диалогов есть написанные как стихами, так и прозой. Интересующий нас «разговор» о кукушке обрамлен заставкой и заключением в форме раешника. Как кажется, сатирическое звучание диалога преувеличено исследователями. Он рассказывает о тяжбе двух

⁴ Кузьмина В. Д. Неизвестные произведения русской демократической сатиры XVIII века // Изв. АН СССР. Отд. лит. и яз. 1955. Вып. 4. С. 374—383.

простаков, которые решили через суд разобраться, «на чью голову» кукушка накуковала. Содержание состоит в описании нагаго взяточничества судейских и подьячих, дочиста обобравших челобитчиков. Но, как особо отметила Е. П. Привалова, убедительность сочинению придает «безукоризненная осведомленность анонимного автора в делах судопроизводства. Богатство судебной терминологии свидетельствует о том, что сатирик хорошо знал не только суд прошлых лет, он и современную ему судебную процедуру. Сюжет, положенный в основу рассказа, является ни чем иным, как своеобразным, сатирически обыгранным судебным процессом».⁵

Это заставляет предполагать в авторе человека из профессиональной судейской среды.

Есть в сборнике и другой прозаический диалог, заглавие которого Сумароков использовал, составляя название сочинения Ирсинкуса — «Разговор между Полипрагмоном и Физиологом»; в нем Физиолог отвечает на вопросы Полипрагмона (буквально: многоделающий; здесь скорее всего: трудолюбивый) о различных естественных явлениях. В «Разговоре о чтении книг между Картофилом (картежником) и Вивлиофилом», где горячо рекомендуется чтение Библии как главной книги, присутствует выпад против старообрядца, который рассуждает о «сложении перстов, о осьмиконечном кресте, о изгнанной бороде и других богоугодных вещах», а затем «осердившись, в подпольную ушел пещеру». Характерен и устарелый церковно-славянский оборот из «Разговора между умным и хвастливым»: «Да у меня денег много, много убо я счастлив», — переданный Сумароковым своему Ирсинкусу.

На основании этих совпадений очевидно, что Сумароков был знаком с «Разговорами в Тверской семинарии», считал, что вся книга принадлежит одному автору, и изобразил этого автора в лице Ирсинкуса.

«Разговоры в Тверской семинарии» напечатаны анонимно, хотя по содержанию и по привязанности сборника к семинарским целям и задачам ясно, что его автор тесно связан с Тверской семинарией. В кругу тверской интеллигенции в это время действовал человек, биографию которого можно соотнести с насмешками Сумарокова.

Диомид Иванович Карманов был одним из примечательных самоучек XVIII в. Как обо всех самоучках, о нем известно немного. Скучные биографические сведения извлечены тверскими краеведами

⁵ Привалова Е. П. О забытом сборнике Тверской семинарии // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб.5. С.418.

в основном из предисловия к рукописному сборнику его проповедей, содержавшему некоторые автобиографические признания, и из владельческих приписок на рукописях его библиотеки⁶. Родители Карманова, тверские посадские люди, жили в Троицком посаде близ Отроча монастыря, где помещалась Тверская духовная семинария. Двенадцатилетним мальчиком он посещал уроки своих сверстников в младших классах. Классы богословия и философии были ему недоступны по незнанию латыни, на которой велось преподавание. Лишь после 1763 г., когда ректор семинарии Макарий Петрович, а затем тверские иерархи Гавриил Петров и Арсений Верещагин начали читать эти курсы на русском языке, Карманов (уже обремененный семьей канцелярист Тверского магистрата) смог завершить свое знакомство с семинарским курсом. Он был к этому уже подготовлен самостоятельным чтением философских трудов. В его библиотеке были сочинения Баумейстера, Гейнекция, Аммона и другие, собственноручно переписанные им с русских переводов, а иногда и переведенные по его заказу учителями семинарии. Эти труды лежали в основе курсов философии, читавшихся в Московском университете. Духовенство благоволило Карманову. Он вел рукописную полемику со старообрядцами, пробовал писать на духовные темы. Один из его опытов получил одобрение Арсения Верещагина: «Сколько науки просвещают человека, ясным есть доказательством сочинитель сего слова, которое с пользой и духовным улажением я прочитал и чистосердечно свидетельствую». Вслед за этим последовало неожиданное предложение Карманову произнести свои поучения в качестве проповедей перед семинаристами и братией Отроча монастыря, чтобы «тем самым сделать общую пользу и добрый почин, к люблению наук и трудов подать пример». С 1768 по 1770 г. Карманов написал и произнес не менее десяти проповедей, или, как он сам писал, «многократно ... проповедовал величие бо-жие».

Кроме проповедей он написал несколько «рассуждений» на богословские темы, с 1774 г. по совету Платона Левшина стал заниматься историей Твери. В частности, М. Н. Муравьев в 1776 г. просил через своих родителей у Карманова его исторические изыскания

⁶ Владиславлев В. Ф. 1) Карманов, тверской публичный нотариус // Тверские епархиальные ведомости. 1881. № 20. С. 454—462; № 25. С. 441—494; 2) Карманов и его проповеди // Там же. 1889. № 4. С. 102—137; Колосов В. Библиотека тверского археолога XVIII в. Д. И. Карманова. Тверь, 1897; Смирнов Н. П. «Вопль купецких и разночинских детей» в Твери в XVIII в // Тверская старина. 1911. № 7—12; 1913. № 5—6.

для публикации в «Российской вивлиофике» Новикова⁷. Считается, что никакие из произведений Карманова при жизни его не были напечатаны. Однако Колосов сообщает, что в 1769 г. в Москве было напечатано «Доказательство бессмертия души», а Владиславлев уверяет, что «Письмо поздравительное Гавриилу по случаю возведения его в сан архиепископа», написанное Кармановым от имени Тверской семинарии, было опубликовано в Петербурге; справочниками такие издания не зафиксированы.

Прижизненные отклики на литературную деятельность Карманова неизвестны. Однако признание за ним современниками определенных заслуг и достоинств несомненно. Оно подтверждается избранием Карманова в члены-корреспонденты первого литературно-филологического общества при Московском университете, Вольного Российского собрания, которое состоялось не позднее октября 1777 г. Почти невозможно предположить, что не вызвало пересудов (хотя бы среди московского духовенства) и проповедническая деятельность не имевшего сана посадского-самоучки.

В «Разговоре» обыгрываются обе стороны биографии Карманова. Канцелярист, потом нотариус, он одновременно имеет в определенном кругу репутацию знатока философии, богословствует и выступает с учительными сочинениями. Отсюда идет уподобление Ирсинкуса «крысе, вскарабкавшейся на судейский и философский стол». В лице Карманова Сумароков встретил постоянный объект своих сатирических нападков — в прямом смысле подьячего, между делом задумавшего стать писателем. Ничем другим нельзя объяснить ни резкость нападков на малоизвестного сочинителя и на книгу, в которой «нет ни складу ни ладу», ни грубость выражений, заставившую Новикова заменить их в одном месте отточиями: «Я ее «книгу» в некотором доме нашел в отхожем месте». Никаких личных намеков, способных вызвать гнев Сумарокова, «Разговоры в Тверской семинарии» не содержали. В оценках возобладали общелитературные соображения. Тема подьячего-писателя потянула за собой круг привычных ассоциаций и отработанных формул, отдаваясь от памфлетности и приобретая более общий характер. Замечания о «прибытке» и «почестях» Ирсинкуса повторяют мотивы «Цидулки к детям покойного профессора Крашенинникова» и эпиграммы «Танцовщик ты богат, профессор ты убог». Жалобы на общее презрение к истинным достоинствам повторяются и в письмах Сумарокова последних лет: «... ныне совсем беден, ничего на свете не нажив, кро-

⁷ Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 308.

ме знания стихотворства, которое не нужно, ибо у нас наши стихотворцы, не только не зная наук, но и грамоте не зная, стихи пишут и от публики похвалу заслуживают⁸. Особое рассуждение Касандра о кукушке, «возлюбленной птице» Ирсинкуса, перекликается с полемикой, сопровождавшей театральным скандал 1770 г. Тогда Сумароков ответил своим московским недоброжелателям стихами «Наместо соловьев кукушки здесь кукуют ...», на которое довольно грубым бурлескным «переворотом» откликнулся молодой Державин.⁹ Истинная поэзия и бездарные «ку-ку» противопоставлены также в притче Сумарокова «Робята и кукушка», модификации сюжета «Соловей и кукушка», широко известного по басне Крылова. Сумароков в своем диалоге также отводит обвинения в литературном эгоцентризме. На замечание Ирсинкуса: «А ты один хочешь быть автором» — Касандр разъясняет, что подобные обвинения ему предъявляют бездарные и невежественные себялюбцы и графоманы. В этом смысле принадлежащее Ирсинкусу сочинение «Полипрагмон, или Кукушка» следует понимать буквально, как авторское самоопределение Ирсинкуса — в переводе: «многоотрудающаяся бездарность».

Кто такие «разумные люди», «знатные мужи», которые хвалят Ирсинкуса и стараются почтить его «великим саном»? Несколько фраз в «Разговоре» можно понять как намек на принадлежность Карманова к числу духовных лиц: угрозы «проклясть», «затворить райские двери». Возможно, это косвенное осуждение его покровителей, таких как Платон Левшин и Гавриил Петров, людей круга Сумарокова, представлявших просвещенную часть русского духовенства. Однако упоминание о «великом сани» может иметь и другой смысл.

Кроме хорошо известного Сумарокову круга духовных лиц обратит внимание на близость Карманова к Вольному Российскому собранию. Сумароков был его членом с 1776 г., хотя неизвестно, принимал ли он участие в его работе. Основной задачей Собрание провозгласило создание первого научного словаря русского языка. В последних лингвистических работах Сумарокова середины 1770-х гг. обнаруживается острокритическое отношение к этой деятельности. В незавершенной статье «О правописании»; напечатанной Новиковым, Сумароков полемизирует с А. А. Барсовым, непременным секретарем Собрания, о фонетическом строе русского языка. В статье «О стопосложении» он резко отзывается о выбранной Собранием методике работы над лексиконом, а главное, подвергает сомнению состав сотрудников. Он опасается, что задуманный труд может послужить «к пушему нашего языка паде-

⁸ Там же. С. 147.

⁹ Там же. С. 213.

нию», ибо «сие Общество состоит частью из Ученых, но не из ученых в Словесности, а частью из неученых... Опасно сие Собрание Словесности Российской нашего века и особливо ради того, что худо видящие писцы, опираясь на целое Общество, и совсем ослепятся и в неисходимую упадут бездну».¹⁰ Обе статьи писались между 1771-м и 1775 гг. (Г. В. Козицкий упоминается в них еще как живой). Возможно, и «Разговор. Ирсинкус и Касандр» написан в связи с намерениями Вольного Российского собрания включить Карманова в число своих членов. Карманов, с точки зрения Сумарокова, был из числа тех «неученых», которые будут способствовать «нашего языка падению». Тогда «Разговор» нужно отнести к 1776—1777 гг. Он выявляет не только одну из последних литературных конфронтаций Сумарокова, но и позволяет атрибутировать Карманову анонимные «Разговоры в Тверской семинарии».

¹⁰ Сумароков А. П. Полн. собр. всех сочинений. М., 1781. Т. 10. С. 59—60.